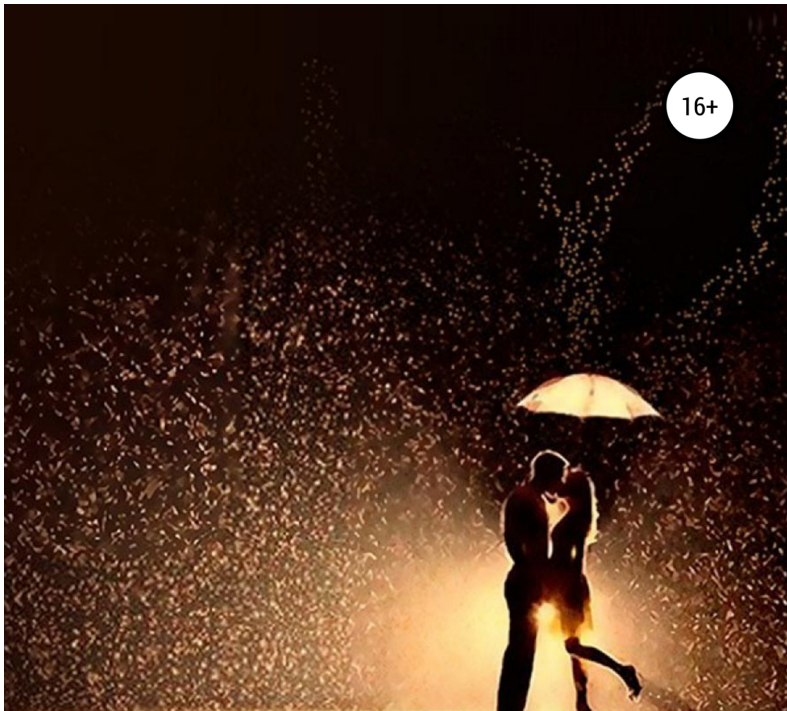

16+

Даниил Пиунов

Драматичное счастье

Новелла-быль

Даниил Сергеевич Пиунов

Драматичное счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65051293

SelfPub; 2021

Аннотация

Новелла расскажет о достаточно типичном случае, происходящим со многими, кто живет в браке дольше одного года. Стенания и муки совести, а после долгожданная исповедь не всегда приводят к свету. Порой лишь наоборот...

Даниил Пиунов

Драматичное счастье

В воздухе витал запах неискреннего чувства любви, испытываемого женщиной тридцати лет, которая потеряла ориентацию как в пространстве, так и собственной жизни. Век ее был излишне переполнен бессмысленными разговорами и надоедавшими бытовыми ритуалами: встречами нелюбимого мужа, готовкой ужина из продуктов сомнительного происхождения, тянувшимися, подобно жевательной резинке из 90-ых, вечерними просмотрами третьесортных отечественных сериалов. Но именно в этой квартире она обнимала и целовала его, крепко прижимаясь спиной к его широкой груди, пламенея и не задумываясь об мыслях соседей, давно не слышавших скрипа кровати и звуков разбившейся вазы, в пору сброшенной со стола, понятно из-за чего.

Женщина уже плохо соображала. Подчиняясь животным инстинктам, хозяйка квартиры в фиолетовом вечернем платье полушепотом умоляла не останавливаться. Приятный эфир кутал обоих; из-за постоянной опасности быть застигнутыми врасплох, дыхание у обоих оставалось сдавленным. Молодой человек грубо, как и хотела того его спутница, потянул вниз молнию на спине, позволяя даме освободиться от избыточных оков вечернего платья. Выпорхнув из него, женщина примкнула устами к его бледно-розовым губам, по-

трескавшимся от морозов, что еще устанавливались поздней ночью. Время давно перевалило за полночь, и их громкое возвращение по бетонной лестнице могло разозлить настырных и обиженных жизнью соседей. Тем не менее, к их большому удивлению, ни одна мамаша или пожилая дама, прошедшая все ужасы очередей в поликлиники, не позволили себя непростительную дерзость. Никто из соседей не считал нужным отчитать даму, голос которой они, конечно же, узнали. Возможно, в глубине души каждый из обитателей новостройки соперничал и морально поддерживал ее, внезапно обретшую банальные человеческие радости, которых она была лишена несколько лет.

Отсутствие рядом сильного и настоящего мужчины, способного не столько кошельком, сколько харизмой дарить счастье потерявшей в жизни даме, остро ощущалось мартовскими ночами. Проводя большую часть ночи в ванне в попытках привести себя в порядок и успокоиться, она все более и более погружалась в разъедающую, словно щелочь, депрессию. От нее изредка спасали таблетки. Подсев на них, женщина думала, будто чудо фармацевтической мысли способно помочь обрести ей истинное освобождение от всех бед и комплексов. Так и прошла та чудесная ночь, избавленная от обязательств и ответственности, которые привычно ограничивают наши действия и своими моральными догмами, словно путами, связывают руки свободному от природы человеку, всего лишь мечтающему об обретении кратковре-

менного счастья.

После продолжительной вакханалии Софья Андреевна Боброва не сразу смогла прийти в себя, долго отсыпаясь. Лишь ближе к обеду она ощутила, что скорее всего ее затянувшийся сон привел к опозданию на важное совещание в администрации города, где она работала заместителем главы департамента по культуре и молодежной политике. Боброва наконец пробудилась и, иронично улыбаясь, сказала: «Хорошо поработали вчера с молодежью. Хорошо посидели в «Сатурне».

Стоит сказать, что «Сатурн» был излюбленным местом новообразовавшейся городской элиты и их подопечных, сопровождавших начальствующих всюду и всегда. В дорогом итальянском ресторане подавали лучшие в области карпаччо, пасту, ризотто и чизкейк, за которыми устремлялись жены чиновников и банкиров, любовницы генералов и бизнесменов, выживших в тучные нулевые. Пытаясь собрать по кусочкам все события вчерашнего «застолья», Софья Андреевна постепенно осознавала, что большую часть ночи она бессовестно изменяла мужу на их кровати с балдахином и рюшечками, излюбленными деталями интерьера слегка полноватого Боброва Константина Алексеевича, чей банк обслуживал интересы большого количества земноводных.

– Боже, правый – прошептала Боброва, осматривая себя и свое окружение, состоящее из разбросанной одежды и осколков разбитой вазы, привезенной из Флоренции. – Дрянь. Я

превратилась в дрянь.

Эти слова давались ей крайне тяжело, однако она пыталась пересилить себя, стремясь хоть раз в жизни признаться самой себе в той низости, которую она совершила бездумно и неосознанно. Или ей хотелось так думать? Относиться к себе, как к пьяной дурочке, не соображавшей в тот вечер, казалось разумным. Связывать себя и греховный поступок, на который Боброва решилась по мановению ока, обнявшая себя руками голая дама вовсе не хотела. В тоже время, чем больше Софья Андреевна пробуждалась, быстро хлопая нащёкными ресницами, тем чаще к ней приходили мысли о неизбежной расплате за измену. Как человек интересующимся религией, изредка она выбиралась в храм, дабы отмолить свои согрешения и пообщаться с батюшкой. Как и большинство людей, Боброва не жила по всем заповедям Христовым, что не мешало ей причислять себя к людям верующим.

Из головы меж тем не исчезал сексуальный взгляд молодого человека, чей образ, к сожалению, окутанный туманом, не был таким четким. Потому Боброва по крупницам восстанавливала детали портрета. Она помнила его горящие карие глаза, мощную шею, сладкий, обволакивающий баритон.

– Он же был студентом. Магистрантом? Или все-таки аспирантом? Боже, я перестала держать себя в руках – шептала Софья, водя рукой по смятой простыне.

Пришлось одеваться, как бы не хотелось провести весь оставшийся день в теплой постели. Более того, с каждым ча-

сом оскверненное, по мнению самой Бобровой, семейное ложе казалось женщине все менее привлекательным, если так можно было бы сказать. Продолжая вспоминать вчерашние эпизоды, она собирала осколки вазы, убиралась в квартире и попутно пила свой любимый кофе, подаренный подругой. Становилось страшно от одной только мысли, что о случившемся может прознать ее муж, который, несомненно, подаст на развод.

Не терпящая скандалов и любопытства общественности, Софья избегала внимания журналистов и прочих активистов, что желали смешать ее с грязью и подпортить репутацию обыкновенной чиновнице из правящей партии со своим типическим набором превышений должностных полномочий, которыми грешат все на многострадальной русской земле. Ближе к вечеру возвратился муж-банкир, прошедший последнюю неделю на форуме в столице, организованном одним из главных банков страны. Проводя вечера в кампании не столько полноватых менеджеров нефтяных компаний, сколько в окружении приятных девушек, он нисколько не заботился о том, чтобы сохранить в тайне собственные похождения. Константин надеялся на инициативу развода со стороны Софьи, не зная правды о его похождениях.

Дежурный поцелуй и непродолжительное объятие говорили больше, чем сотни слов. Остаток дня обещал пройти также, как и всегда. Она не трогала его, пока он работал в кабинете, а сам Бобров не беспокоил жену, давая возмож-

ность приготовить его любимые котлеты со спагетти. Стоя у плиты, Софья Андреевна прокручивала в голове этот вечер, пытаясь соотнести происходившее, будто во сне, с реальностью. Она продолжала верить, что это был нелепый сон, но не находя объяснения, почему дорогая ваза неожиданно разбилась, а молния на подаренном мужем платье оказалась сломанной от, вероятно, чересчур энергичных попыток расстегнуть его, несчастная Боброва начинала принимать факт измены. В глубине души женщина оправдывала свое согрешение алкоголем и веществами, которые часто проникали в ее организм. Случалось, так, что, готовя ужин нелюбимому мужу, она начинала тихо плакать, орошая солеными слезами овощи и мясо. Внутренний голос нашептывал «куртизанке», как называла себя дама, что она непременно должна встать на колени и просить о пощаде мужа, делавшего все для того, чтобы дама не нуждалась в средствах. Привыкшая жить не первый год в обставленной с изыском и подчеркнутой роскошью квартире Боброва не хотела потерять все это в одночасье, сознавшись в глупой нелепице, неизбежно приключаящейся с каждым, кто перебарщивает с коньяком или водкой.

Время замедлялось. Работа докучала одним фактом своего существования в жизни Софьи Андреевны, рисовавшей в своем блокноте глаза полумифического ночного ангела. К тому времени она до конца уверилась, что действительно отдалась какому-то молодому человеку, чье имя, кажется, было Кирилл или Никита. Ни бумаги, ни совещания, ни раз-

говоры с коллегами не могли отвлечь Боброву от гнетущего чувства ненависти к самой себе. Скрывая измену уже которую неделю, женщина, облачившаяся во все черное и избавившая себя от золота и изумрудов в ушах и на руках, продолжала разочаровываться в себе самой.

«Ты – слабая и безвольная шлюха, боящаяся признаться мужу. Ты – изменщица и пьянчуга, теряющая рассудок от одной рюмки. Наркоманка и куртизанка – вот, что напишут газеты на следующий день после вашего развода, который затянется на долгие месяцы» – эти мысли одолевали Боброву каждый раз, когда она задумывалась о признании, но всякий раз она мысленно отговаривала себя, ссылаясь на свое имущественное положение и репутацию. Выскочившая замуж по требованию родителей, она не часто находила в Дмитриии хоть что-то привлекательное, кроме золотых акций топовых кампаний. Тем не менее, Софья Андреевна привыкла жить и изображать влюбленную и преданную супругу, ибо единственное образование, которое она имела в своем багаже, было актерское. Женщина тридцати пяти лет мастерски играла, изумительно читала монологи о чувствах, которые она якобы испытывает к самому близком и родному человеку.

Со временем эта маска стала в пору ей, отчего она перестала снимать ее и свыклась с идеей быть послушной затворницей, обслуживавшей аппетиты банкира. Боброва прекрасно понимала, что родители сделали все от них зависящее, чтобы обеспечить любимой дочери лучшую, в сравнении с

их, жизнь. Прислушиваясь к наставлениям, Софья считала своей прямой обязанностью следовать воле родителям. Допускала ли она когда-нибудь мысль о возможной, нет, случайной измене? Возможно, допускала, но изредка, не относясь к этому серьезно, считая это глупостью, порождением разыгравшейся фантазии. Тем хуже она ощущала теперь себя, сознавая, что эта фантазия воплотилась в жизнь, навсегда изменившуюся из-за неосмотрительности дамы. Спустя две недели, она решила рассказать правду.

Константин в ту пору был сам не свой. Приходя домой, он бросал недовольный, озлобленный взгляд на жену и, молча пережевывая кусочки мяса и овощей, сопел, сжимая руки в кулаки. Атмосфера, царившая в их квартире, и без того не располагала к откровенным разговорам, помогавшим разобраться в сути проблем. Тем не менее Софья отдавала явное предпочтение молчанию, старательно избегая любую возможность поговорить. Изнемогая от желания признаться, женщина тяжело справлялась с истязаниями совести, вечно напоминавшей и взывавшей к разуму. Но именно разумными доводами руководствовалась Боброва, понимая, что злой муж может не сдержаться и придушить хрупкую чиновницу, размозжив мозги выстрелом из трофейного пистолета, искусно спрятанного в кабинете.

И вот она, приодевшись, накрасив губы и подведя брови, подошла к как бы родному человеку и, положив холодную руку на его мясистые пальцы, запачканные маслом от

сэндвича, произнесла заветную фразу: «Я изменила тебе с каким-то студентом. Пару недель назад. Ты был тогда в командировке». Повисла ожидаемая и резонная пауза, понадобившаяся для осмысления и продолжения возможного диалога. Обождав, жена, пискнула, словно полевка: «Прости».

Бобров лишь довольно усмехнулся. Судя по всему, из последних новостей, которые он получал от различных людей, этот ответ более всего удовлетворил его, приводя мужа Софьи в некоторое изумление. Дыхание пузатого банкира участилось, сам он откинулся на спинку кухонного стула. Медленно, выжидая момент, мужчина щепетильно вытирал сладкие губы и масляные пальцы.

Он молчал и продолжал улыбаться. Было в этой усмешке что-то дьявольски притягательное, но Софье стало не по себе. По странной реакции мужа она поняла, что этого он и ждал.

– Милый я хочу быть с тобою честна. Я не хочу развода – наконец проронила она.

– Жаль расстраивать, но я хочу. Ты стареешь и высыхаешь на глазах, теперь же водишь шпану в мой дом.

– В наш, милый! – перебила его Софья.

– В мой. Ты знаешь, где твое место.

– Нет-нет-нет, дорогой, прошу, одумайся – слезы одновременно хлынули градом, а сама Боброва кинулась ему в ноги, целуя колени и вымаливая прощение.

Он грубо оттолкнул ее, сопроводив сие действие смачной

пощечиной, оставившей красный след на щеке Софьи. Заливаясь слезами, Боброва бросилась к шкафу, где смогла отыскать свою шляпку с черной вуалью, темно-зеленое выходное платье и туфли с застежками. Спешно одеваясь, она постоянно спотыкалась, падала, как ужаленная, носясь по квартире и ища свои вещи.

Муж дал ей на «сборы» меньше пяти минут. Софья ничего не соображала, постоянно щипала себя за кожу, покрывшуюся мурашками, в надежде проснуться. Но этот «затянувшийся» сон и не думал заканчиваться. Константин медленно подошел к женщине и обеими руками подхватил ее, толкая в сторону выхода вместе с вещами. После он одним резким движением вытолкнул ее, бросая вослед пальто и сумочку, которой она дорожила больше всего. Павшая и униженная Софья продолжала рыдать; женщина истошно кричала и била в дверь, прося впустить ее обратно. Боброва не переставала верить в прощение и счастливый финал. Не получив внятного ответа и устав от бесполезных частых ударов по металлу, она побрела вниз, шагая по бетонным ступенькам, по которым совсем недавно она поднималась пьяная со случайным любовником, разрушившим ее семейную жизнь, если от нее хоть что-то оставалось к тому моменту.

Не зная, как ей поступить и что делать дальше, Софья нашла единственный выход из сложившейся драмы. Неспешно она поплелась к храму, что стоял у моста, делившего город на две части по реке Волге. Путь ее был долог. На протяже-

нии всей дороги Боброва постоянно прогоняла только что состоявшийся диалог с мужем, точнее уже с бывшим мужем.

«Как же разводиться? Я имею право на половину собственности. Хотя, его адвокат сделает все, чтобы оставить меня без гроша. А потом он возьмет ее прямо в нашей спальне, которую с заботой обставляла я. Я, а не эта девка!» – возмущалась уже на подходе к храму Софьи. Женщина практически преодолела половину моста, как вдруг на пути ей встретился обаятельный молодой человек с карими глазами, в котором она будто бы узнала старого знакомого.

– Подождите! Подожди! – Боброва нелепо схватила его за руку, останавливая на мосту. – Ты? Это ты? – она истерично вопрошала, дергая бедолагу, что явно опешил.

– Женщина, вы чего? Пустите меня.

– Кирилл? Или Никита? Тебя так зовут? Я же помню, я помню тебя! Эти нахальные глазки, как ты спаивал меня и лапал в туалете, я помню! Думаешь, я забыла твой обворожительный голосок?

– Да, меня зовут Никита, но как вы угадали? И вы не хотите объясниться, дамочка? – на этот раз мускулистый парень скинул руку Софьи, заливавшейся истерикой и пышущей праведным гневом.

– «Сатурн». Ты был в «Сатурне» две недели назад?

– Нет, что вы. Я вообще вернулся в город вчера вечером. У меня был академический отпуск.

– Так ты студент? Нашего вуза?

– Да, я был, кажется, на встрече с вами в прошлом году. Да, точно. В сентябре проходил какой-то образовательный форум.

– Верно – растеряно подтвердила женщина, не зная, что и думать. – Мы не спали с тобой? – подытожила она.

– Нет, упаси боже. То есть... Я хотел сказать, что я не сплю с замужними женщинами.

– Бог ты мой... Боже, что же я натворила? – шепча, она подвела случайно встреченного Никиту к металлическому ограждению. Смотря на храм, она лепетала. – Я не срывала яблока. Мне это почудилось. Почудилось, но я не срывала яблока Евы.

– Что вы такое несете? Я могу идти?

– Я напилась и представляла в запретном сне грязные удовольствия. Я не понимала, где реальность, а где вымысел – тут Софья неожиданно перелезла через ограждение, выбрасывая свою сумочку.

Глядя на сияющий на солнце крест, венчающий купол храма Великомучеников, она набрала воздуха в легкие и крикнула: «Боже, какой великий артист умирает». Произнеся последнее слово, в безумии женщина сиганула вниз, плюхнувшись с 15-метровой высоты в холодную воду. Ошарашенный от такого зрелища Никита не сразу сообразил, что же ему теперь делать. А меж тем тело худенькой чиновницы, заблудившейся в коридорах фантазий, плыло по течению, оставляя кровавый след.

Никита сообщил в полицию и рассказал все, как было, стараясь ничего не утаивать. Чувствуя себя виноватым, что соврал Софье, он признался полицейским в том, что был на самом деле знаком с Бобровой. В устной беседе со следователем он поминутно воспроизвёл все подробности вечера в «Сатурне», где они гуляли с одноклассником Кириллом, Бобровой Софьей и ее коллегой. Оставаясь откровенным до конца, Никита рассказал, как его друг ухаживал за погибшей и как они уехали на ее автомобиле в неизвестном направлении. В конце концов, он признался, что не знает, чем все-таки кончился тот вечер для Софьи Бобровой. Это и предстояло выяснить следствию, уже разыскивавшему горячего соблазнителя. До сих пор остается большой загадкой, действительно ли провинциальная чиновница поддалась соблазну и охотно изменила нелюбимому мужу или же пьяный студент смог найти в себе силу воли, дабы отказаться от податливой, но обделенной любовью женщиной. Увы, но на этот вопрос не знает ответа даже разбитая по совершенной случайности дорогая ваза из Флоренции. Быть может, вы, спустя годы еще услышите о финале этой трагедии. Между нами говоря, на могиле Софьи Андреевны Бобровой до сих пор каждый день появляются свежие хризантемы, которые так любили в семье.